

Сцены стипуляции в комедиях Плавта.

В своих комедиях Плавт (ок. 250–184 до н. э.) часто затрагивает реалии современной ему правовой практики, которые должны были находить немедленный отклик у римской публики. Его свидетельства о римских правовых установлениях одинаково ценны и своей древностью и тем, что освещают эти установления подчас с неожиданных для историка права сторон. Их внимательное изучение позволяет лучше понять среди прочего истоки и природу важнейших форм частноправовых договоров. Между тем, сколь ни странным это может показаться, свидетельства Плавта почти не используются историками права¹.

Происходит это, думается, главным образом от того, что при первом прочтении текста Плавта далеко не всегда удается представить себе в достаточной полноте картину правовых действий, о которых говорят его герои. Нередко на отдельные моменты таких действий персонажи Плавта указывают лишь намеком, который был вполне понятен римской публике и составлял, более того, соль той или иной реплики, но тем не менее ускользает от внимания даже искушенного современного читателя. Великий комедиограф охотно вкладывал в отдельные слова и реплики двойной смысл, читатель же, принимая как вполне удовлетворительное то значение слов и реплик, которое лежит на поверхности, порою даже не предполагает наличие второго смыслового плана, где игрой слов либо вскрываются более глубокие мотивы поведения героев, либо, что наблюдается еще чаще, создается видимость отношений, которые в реальности для героев Плавта не существовали. Помеху для более полного прочтения свидетельств Плавта составляют и некоторые стереотипы, сложившиеся в историко-правовой науке, в которых порою не находится места для редких указаний Плавта.

Не подвергая сомнению тот факт, что основную канву изображаемых им событий Плавт заимствовал из греческих коме-

---

¹ Редкое исключение в этом отношении представляет старая работа Эмилио Коста: E. Costa. *Il diritto privato romano nelle comedie di Plauto* (Torino 1890).

дий, автор настоящей статьи придерживается вместе с тем мнения, что термины и формулы правового характера, вплетаемые героями Плавта в свои реплики в виде беглого намека на определенные отношения, были почерпнуты из привычной для римской публики правовой практики.

Если посмотреть свежим взглядом человека, едва приблизившегося к историко-правовой науке, на общее представление о *стипуляции*, которым до сих пор довольствуются историки права, то возникнет впечатление, что последние чего-то недосказывают в своем определении этой процедуры, что они, с одной стороны, не в меру сузили картину стипуляции как правового акта известного вида, а с другой стороны, слишком широко и неопределенно представляют себе пределы её применения. Как особый способ придания юридической силы договорам частных лиц стипуляция характеризуется главным образом с чисто формальной стороны. Утверждается, что согласно действовавшей в Риме правовой норме достаточно было одной договаривающейся стороне спросить устно в краткой форме другую сторону о ее готовности совершить определенное действие в пользу обратившегося к ней с этим вопросом, и другой стороне выразить тоже устно и в тех же словах обещание совершить таковое действие, чтобы обещание этой другой стороны получило силу юридического обязательства, нарушение которого должно было повлечь за собой судебное преследование².

Утверждается кроме того, что стипуляцией скреплялись обязательства самого разного свойства и круг договоров, в которых она применялась, был неограничен³. Столь необыкновенное действие формального обряда историки права объясняют тем, что со стипуляцией составлял неразрывное целое особый акт, выражавшийся в произнесении обязующимся глагола *spondeo*. Этот акт, обозначаемый в современной научной литературе существительным *sponsio*, имел, несомненно, сакральные корни, что, по общему мнению, явилось основанием для вмешательства судебной власти в случае нарушения обязательств, принятых посредством названного акта⁴. Однако, нельзя не признать, что такое объяснение юридического действия стипуляции остается чистой

² См. V. Arangio-Ruiz. *Istituzioni di diritto romano* (Napoli 141960) 324; M. Kaser. *Das römische Privatrecht* (München 21971) (далее *RP*), 168, 539–541.

³ Arangio-Ruiz. *Loc. cit.*; Kaser. *RP* 538–539.

⁴ F. Pastori. *Appunti in tema di sponsio e stipulatio* (Milano 1961) 199; B. Biondi. *Sponsio e stipulatio // Bullettino dell' Istituto di diritto romano* 65 (1962) 113–117.

гипотезой. Еще менее убедительны попытки связать это действие с отношениями, выразившимися понятием *fides* (буквально: “вера”), установление которых было приравнено по своему значению к произнесению глагола *spondeo*⁵. За понятием *fides* историки права усматривают главным образом некий нравственный или религиозно-нравственный императив, приобретший юридическое значение.

На основе широкого исследования свидетельств о ранней истории стипуляции автор настоящей статьи пришел к иному пониманию стипуляции как правового акта. Суть его состоит в следующем. Стипуляция совершалась при свидетелях в публичной форме. Настойчивые указания правоведов на устный обмен сторон вопросом и ответом (*interrogatio et responsio*)⁶ могут быть объяснены прежде всего заботой о сохранении важнейшего условия публичности акта, которым придавалась юридическая сила договоренностям частных лиц⁷. Само же правовое действие, определяемое как стипуляция, отнюдь не ограничивалось обрядом устного обмена вопросом и ответом.

Стипуляция применялась первоначально как способ соглашения в спорах, вызванных требованиями одной стороны к другой относительно возмещения возможного ущерба или удовлетворения прав, которые будут подтверждены в будущем. Сколь бы острым ни был такой спор, при отсутствии действительного нарушения прав судебная власть как орган главным образом карающий не имела оснований для вынесения своего приговора, и она оставляла за тяжущимися право самим решать свой спор. Вместе с тем судебная власть выступала и как институт общественного мира, уважавший и поощрявший договоренности частных лиц, и потому, если ущерб, возмещение которого было предусмотрено в договоренности, в конце концов был действительно причинен, то судебная власть принуждала правонарушителя к удовлетворению потерпевшего именно в том порядке, какой был предусмотрен соглашением частных лиц, совершивших стипуля-

⁵ См. W. Kunkel. *Fides als schöpferisches Element im römischen Schuldrecht // Festschrift Paul Koschaker II* (Weimar 1939) 9–10; R. Düll. *Zur römischen Stipulation // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Rom. Abt.* 68 (1951) 191–216, bes. 208, 210, 215; Pastori. *Op. cit.*, 199–201; M. Dobbertin. *Zur Auslegung der Stipulation im klassischen Römischen Recht* (Zürich 1987) 46.

⁶ Ср. Gaius. *Inst.* III, 92; *Sententiae receptae Paulo tributae* 2, 3 = *Fontes Iuris Romani Anteiustiniani II* (Florentiae 1964) 336–337; *Inst.* III, 15, 1.

⁷ Ср. Kaser. *RP* 540.

цию. Признавая юридическое действие стипуляции как соглашения частных лиц, судебная власть упорядочивала практику стипуляций, устанавливала определенные нормы и объявляла обязательным совершение некоторых видов стипуляции.

По-видимому, соглашения, получившие название стипуляции, некогда касались не только выплаты возможной компенсации, но и дачи соответствующего залога, который передавался на хранение третьему лицу. Реальный залог со временем был заменен гарантией его выплаты, обеспечиваемой актом *sponsio*. Благодаря этому акту возникала тесная солидарная связь между обязующимся и заинтересованной стороной. Прочность таковой связи определялась преимущественно личными соображениями социального престижа, и потому первоначально она непременно дополнялась такой же связью между поручителем и заинтересованной стороной. В сознании римлян акт *sponsio* стойко ассоциировался по этой причине с фигурой поручителя.

С ростом роли суда в деле обеспечения целостности договоров частных лиц акт *sponsio* начал терять свое практическое значение, и стало возможным принимать обязательство выплаты возможной компенсации без дачи залога, не выставя поручителя и игнорируя акт *sponsio*. Ведь для судебной власти основополагающее значение имел сам факт договора о выплате возможной компенсации, за которым закрепилось название стипуляции. Акт *sponsio* же отныне служил формальным основанием для включения поручителя в число участников договора там, где требовались дополнительные имущественные гарантии. Именно это состояние дел, похоже, и отразили комедии Плавта.

Современная Плавту практика стипуляции получила наиболее развернутое и богатое конкретными деталями отображение в комедии "Псевдол". В 5-й сцене 1-го акта этой комедии разыгрывается действие между стариком Симоном, отцом юноши, влюбившегося во флейтистку-рабыню, рабом Симона Псевдолом и соседом Каллифоном. Псевдол хитроумными уловками вынуждает Симона к обещанию выдать ему деньги для выкупа флейтистки, если он, Псевдол, сумеет прежде увести флейтистку от ее хозяина⁸. В обещании Симона не было настоящей заинтересованности, хотя, быть может, похищение невольницы у свод-

⁸ Содержание стипуляции заключено в вопросе Псевдола: *sed si efficero, Dabin mihi argentum quod dem lenoni ilico / Tua voluntate?* (Pseud. 535–536). Ср. русский перевод А. Артюшкова в кн.: Плавт. *Комедии II* (Москва 1987) 461.

ника и сулило ему в какой-то мере прекращение трат сына на удовлетворение своей любовной страсти. В целом это обещание более походило на заклад в пари. Симон был вовлечен в игру, устроенную Псевдолом, и о характере его действий наилучшим образом свидетельствует предшествующее его обещание не наказывать Псевдола за ранее допущенный им проступок, если он сумеет выманить у самого Симона деньги для выкупа флейтистки (*Pseud.* 507–515). Благодаря этому сходству с пари условность обязательства Симона выступает перед нами с особой отчетливостью: оно должно было прийти в действие лишь в случае удачного исхода задуманного Псевдолом предприятия. Вместе с тем вероятное достижение Псевдолом поставленной цели преподносится как услуга, которая может быть оказана Симону, а следовательно, и как правовое основание для возможного требования о материальном вознаграждении.

Примечательно, что в рассматриваемой сцене Симон не дает прямого ответа на требование Псевдола о возможной выплате ему определенной суммы денег. Можно лишь сказать, что его реплики не содержали отказа пойти на условия Псевдола и позволяли судить о некоторой его готовности принять эти условия. Лишь когда сосед Симона, Каллифон, пообещал сам дать Псевдолу требуемую сумму, если Симон в решительный момент ему откажет, Симон неожиданно объявил, что он не изменит своему слову (*non demutabo*), хотя он прежде ничего прямо и не обещал (*ibid.* 555). Слово *spondeo*, которое историки права представляют как характерный знак стипуляции, так и не было произнесено.

Но хотя в разбираемой нами сцене стипуляции отсутствует правильный обмен вопросом и ответом, мы находим в ней другие немаловажные детали, которые позволяют создать более полное представление о порядке совершения стипуляции и в особенности о способах придания ей публичного характера. На первый взгляд, они могли бы показаться случайными, не имеющими прямого отношения к данному акту, тем более, что, как было уже сказано, комедиограф намечает некоторые моменты развиваемого действия подчас лишь намеком и даже оставляет их частью второго плана, где проходят картины мнимых отношений, возникающие в воображении героев. Но сопоставление ряда примеров позволяет выявить устойчивые мотивы в изображении стипуляции.

Заслуживает внимания, например, то, что Каллифон, хотя и как бы в шутку, ведет себя на протяжении всей сцены подобно третейскому судье, разбирающему тяжбу между Симоном и

Псевдолом⁹. Спор начинается с обвинений, которые Симон обращает к Псевдолу, а заканчивается, благодаря уверткам последнего, так, будто защищаться должен был Симон. Стипуляция, растянувшаяся у героев Плавта на длинный ряд реплик, знаменовала именно такой поворот спора. В этой связи особо следует отметить, как вслед за вопросом Псевдола к Симону, выразившим основное содержание стипуляции, Каллифон произнес реплику, которая напоминала вердикт третейского судьи: “С законным правом просит Псевдол – скажи: «Дам»” (*Ius bonum orat Pseudolus: “Dabo” inque, ibid. 537*). Присутствие фигуры арбитра – характерная черта наиболее важных видов стипуляции¹⁰. При всей условности, наигранности действий героев Плавта рассматриваемый пример ценен своей древностью и особенно показом того, как совершалась стипуляция в обстановке реального спора и что мог говорить третейский судья, разрешая спор в рамках этого акта. Такие примеры трудно подыскать в позднейшем материале.

Хотя участие третейского судьи в стипуляции было пусть и характерной, но все же далеко не постоянной ее чертой, тем не менее и оно может рассматриваться как некоторое свидетельство публичного характера договоров в форме стипуляции. Более красноречив в этом отношении один из заключительных моментов рассматриваемой сцены, к сожалению, означенный лишь краткой репликой Симона: “А я иду на форум, уж скоро здесь буду” (*At ego ad forum ibo: iam hic ero, ibid. 561*). Как мы увидим ниже, посещение форума или особо собрания на форуме лицом, принявшим обязательство, так или иначе сопровождает акт стипуляции и в других сценах комедии “Псевдол”.

Факт стипуляции между Симоном и Псевдолом скоро стал известен как вполне достоверный и не подлежащий сомнению своднику Баллиону, хозяину упомянутой флейтистки (ср. *ibid. 1068–1069*). Между тем по настоянию Псевдола Каллифон, выступавший арбитром при совершении стипуляции, дал слово оставаться дома и не показываться на людях. Едва ли Псевдол, будучи рабом и заинтересованным лицом, мог довести до сведения таких людей, как Баллион, известие о совершенной стипуляции. Нет сомнений в том, что это сделал Симон, отправившийся на форум.

⁹ Ср. *Pseud.* 459; 462–463; 476–477; 488; 494.

¹⁰ Ср. ниже, прим. 16, 34 и 35.

Из дальнейшего действия становится известным, что Симон предупреждал Баллиона относительно козней Псевдола (ср. *ibid.* 1227). Однако, по словам Симона, он делал это многократно (<c>entiens). У нас нет, таким образом, прямых оснований утверждать, что он обратился лично к нему и сразу же после своей стипуляции с Псевдолом. Вообще сомнительно, чтобы Симон более всего желал сохранить именно те деньги, которые были обещаны Псевдолу в качестве своего рода вознаграждения, и потому в рассматриваемом случае должен был искать возможности прямо сговориться с Баллионом. С самого начала он стремился помешать связи сына с флейтисткой и тем удержать его от лишних трат в пользу все того же сводника Баллиона, нарочно предостерегая последнего в отношении козней сообщника сына, каким был Псевдол. Но в конце концов сложилась совершенно особая, еще более тягостная для Симона ситуация, о которой мы скажем далее¹¹, и Симону теперь было важно разрешить ее немедленно, быть может, даже пожертвовав значительной суммой. Всего вероятнее то, что Симон засвидетельствовал совершенную стипуляцию у писца на форуме с соблюдением известных правил и тем самым сделал ее достоянием гласности. Угроза Псевдола поднять большой шум (ср. *ibid.* 555–556), если Симон не выполнит своего обещания, могла послужить для хозяина Псевдола и лишним побуждением к тому, чтобы должным образом оформить стипуляцию.

Стипуляция, которую герои Плавта совершают в другом эпизоде, еще больше напоминает по своему содержанию пари. Сводник Баллион сговорился с воином из чужого города о продаже ему упомянутой флейтистки. Воин дал в задаток своднику 15 мин и в назначенный день прислал к нему раба по имени Гарпаг с письмом, снабженным условленной печатью. Предъявив письмо и передав остаток суммы, которую полагалось уплатить за флейтистку, раб этот должен был принять от сводника невольницу. С помощью обмана Псевдол сумел на время завладеть всем, что доставил Гарпаг, и направил к Баллиону подставное лицо, некоего Симию, который и увел флейтистку от сводника. Пока флейтистка оставалась у него, сводник не мог чувствовать себя спокойно, имея дело с суровым отцом возлюбленного его рабыни и одновременно с плутоватым слугой юноши. Он должен был испытать большое облегчение и даже радость, когда,

---

¹¹ См. ниже, с. 15.

как ему казалось, он сумел сбить рабыню-флейтистку воину из чужого города за приличные деньги.

Не подозревая подвоха со стороны Псевдола, Баллион решил на радостях почваниться перед явившимся к нему отцом возлюбленного флейтистки, Симоном. Прежде чем рассказать о совершившейся продаже, он поспешил заверить Симона в том, что тот сохранит за собой деньги, которые должен был выплатить Псевдолу в случае, если бы последний завладел флейтисткой. Желая дать самую твердую гарантию надежности своего заверения, он пообещал Симону выплатить 20 мин, если оно не оправдается¹².

Как мы видим, и во втором эпизоде обязательство, которое принимает на себя герой Плавта, может прийти в действие только при исполнении определенного условия. Настоящего правового основания у этого обязательства нет. Не случайно, когда дело дойдет до выплаты обещанного Баллионом, он скажет, что принял свое обязательство в шутку (*per iocum*, *Pseud.* 1224). Тем не менее комедиограф не оставил сведнику возможности освободиться от своего обязательства. Стипуляция Баллиона могла быть воспринята не только как чистое пари, но и как его своеобразный ответ на постоянные обвинения в том, что он своим темным ремеслом разоряет добропорядочных граждан, отцов семейства.

Освободив текст Плавта в интересующем нас месте от позднейших вставок, О. Цвирлейн восстановил весьма убедительным образом в первоначальном виде формулу, которую применил Баллион, призывая Симона совершить с ним стипуляцию¹³. Эта формула открывается характерным глаголом *rogo*, на значении которого мы далее остановимся особо. Здесь же укажем на то обстоятельство, что Баллион, если следовать реконструкции Цвирлейна, вложил в названную формулу самое общее содержание, как если бы стипуляция, к совершению которой он призывал Симона, гарантировала последнему сохранение всего его имущества: *Omnibus modis tibi esse rem ut salvam scias* (*ibid.* 1074). Думается, комедиограф сделал это в расчете на зрителя, который должен был вполне оценить намек на общий характер отноше-

¹² *Pseud.* 1068–1075, особ. 1070 и 1074: *Roga me viginti minas / ... / omnibus modis tibi esse rem ut salvam scias*. О состоянии текста Плавта в этом отрывке см.: О. Zwierlein. *Zur Kritik und Exegese des Plautus III. Pseudolus* (Mainz – Stuttgart 1991) 202–204.

¹³ *Pseud.* 1070 et 1074 (ср. прим. 12). Cf. О. Zwierlein. *Loc. cit*

ний между Симоном и Баллионом. Брань в адрес сводника – постоянный мотив речей героев комедии. Сцена стипуляции сводника Баллиона с Симоном разыграна как договор об удовлетворении обидчиком того, кто терпел от него урон.

В рассматриваемой сцене нет явных свидетелей стипуляции. Следует, однако, принять во внимание, что по условиям сценического искусства, которым следовал Плавт, было вообще невозможно представить положенное число свидетелей договора. В случае необходимости роль пассивных свидетелей, по видимому, отводилась самим зрителям. О таковой возможности свидетельствуют реплики, которые герои Плавта нередко обращают к зрителям в начале и в конце сценического действия. В этой связи заслуживает особого внимания уже названный глагол *rogo*, который в форме повелительного наклонения *roga* Баллион употребил в своем призыве к Симону взять с него обещание относительно выплаты двадцати мин. До сих пор, насколько известно, применение этого глагола в формулах стипуляции, равно как и применение образованных от этого глагола существительных в юридических определениях стипуляции, не привлекало внимания исследователей. Между тем этот глагол и образованные от него слова составляют столь же устойчивую принадлежность лексического инструментария стипуляции, как и глагол *spondeo* (ср. D. II, 14, 7, 12).

Здесь прервем наш разбор свидетельств о стипуляции, содержащихся в комедиях Плавта, и попробуем ответить на вопрос, какое значение мог иметь глагол *rogo* в отношении стипуляции. Можно было бы решить, что в нашем случае этот латинский глагол служил лишь выражением вопроса и не отличался по своему значению от русского “спрашивать”. Сам Плавт употреблял глагол *rogo* в этом значении, о чем, правда, можно с определенностью судить на основе примеров иного рода, нежели те, которые относятся непосредственно к стипуляции (ср. *Menaechmi* 638–640). В юридических текстах глагол *rogo* порою приближается к обыденному выражению просьбы, например, в суждениях выдающихся правоведов конца II – III в. н. э. Павла и Ульпиана о займе (*mutuum*), договоре о передаче вещи в безвозмездное пользование (*commodatum*) или договоре поручения (*mandatum*)¹⁴. Все же, вероятнее всего, и эти юристы мыслили глагол *rogo* не простым выражением просьбы, но обозначением строго оформленного волеизъявления, благодаря которому до-

¹⁴ Ср. D. XII, 1, 9, 9; XIII, 6, 5, 5–7; XVII, 1, 1, 2.

говор получал законную силу. Такой смысл термина *рого* отчетливо выражен в определениях, касающихся договоров аренды (*locatio*), займа и купли-продажи, которые мы находим у правоведов предшествующего периода, Яволена Приска (консул-суффект в 86 г. н. э.), Цельса (I-я треть II в. н. э.) и Юлиана (род. ок. 100 г. н. э., консул в 148 г. н. э.)¹⁵.

Употребление глагола *рого* свидетельствует о том, что ни воля одного участника договора в отношении другого, ни смысл договора этим глаголом конкретно не определялись. Интересующий нас глагол обозначал действие инициатора договора, независимо от того, выступал ли он в роли просителя, готового принять основной груз взаимных обязательств, или же, напротив, выдвигал главным образом определенные требования к другой стороне, которые должны были повлечь за собой принятие определенных обязательств этой другой стороной. Так, при передаче вещи в пользование тот, кому вещь передавалась, выступал в роли просителя, и он же брал на себя главное обязательство сохранить вещь в целостности (*custodia*). Напротив, при покупке покупатель мог выступить в роли инициатора сделки, но основной груз взаимных обязательств, как правило, нес на себе продавец (ср. D. XVIII, 1, 41). Так же обстояло дело при *fideicommissum*, представлявшем особый вид поручения наследнику, где вся ответственность ложилась на последнего (ср. D. XXXII, 3, 1; 6, 1).

Глагол *рого* указывал, очевидно, лишь на то, что некто извещал о своем желании установить определенные правоотношения. Такое извещение, будь то в форме просьбы, требования или призыва, было обращено, надо думать, как к контрагенту, так и к собранию, в котором заключалось соглашение. Ведь в древнейшую эпоху отношения, обладавшие юридической силой, т. е. находившиеся под защитой публичной власти, могли быть установлены только в некотором собрании. Толкуя глагол *рого* именно в широком значении извещения о желании установить новые правоотношения, можно объяснить, как один и тот же глагол мог обозначать одновременно и обращение одного участника соглашения к другому, и предложение арбитра, участвующего в стипуляции, относительно установления справедливых правоотношений¹⁶. Предложения претора и других должностных лиц, касавшиеся мер против правонарушителей, обозна-

¹⁵ Ср. D. XVIII, 6, 17; XII, 1, 32; XVIII, 1, 41.

¹⁶ Ср. Cic. *Pro Rosc. com.* 13, 38.

чались глаголом того же корня с приставкой *in-* (*ir-*): *inrogo* (*irrogo*)¹⁷. Употребление глагола *rogo* в отношении договоров и соглашений частных лиц будет уместно поставить в связь с его употреблением в деле принятия законов. Хорошо известно, что этим глаголом обозначалось внесение законодательных предложений в народное собрание. Поднятая тема заслуживает самого обстоятельного рассмотрения, но и уже изложенные наблюдения позволяют с достаточной долей вероятности предположить, что за глаголом *rogo*, применявшимся в отношении стипуляции, стояла форма публичного обращения к контрагенту.

Помимо соблюдения определенной устной процедуры пример стипуляции между Симоном и сводником Баллионом заставляет предположить, что, как и в разобранным уже случае стипуляции между Симоном и его рабом Псевдолом, за устной процедурой следовало письменное оформление акта стипуляции. Едва Баллион пообещал Симону выплатить 20 мин, как явился к нему настоящий посланец воина, раб Гарпаг, с требованием отпустить с ним флейтистку. Поняв, что флейтистка для него потеряна, Гарпаг потребовал выплатить ему всю сумму денег, составлявших стоимость флейтистки, как это, очевидно, было условлено договором между Баллионом и воином. Баллион приглашает Гарпага на форум, чтобы там рассчитаться с ним. Симон спрашивает, не должен ли он последовать туда же, чтобы получить свою часть (*Pseud.* 1230–1231). Баллион обещает уладить дела с ним на следующий день.

Несомненно, сводник Баллион отправился с Гарпагом на форум отнюдь не потому, что хранил там свои деньги, но потому, что денежные расчеты по договорам требовали соответствующего оформления и свидетельствования. Расчет по стипуляции Баллиона с Симоном требовал, очевидно, тоже определенной документации.

Весьма важные детали для воссоздаваемой нами картины стипуляции мы находим в одном из эпизодов начальной части комедии. Псевдол решает помочь сыну Симона, Калидору, пришедшему в отчаяние от известия о продаже его возлюбленной чужому воину, и обещает ему с помощью уловок устроить так, чтобы Калидор завладел флейтисткой, либо дать ему двадцать мин, с помощью которых опять-таки можно было выкупить не-

¹⁷ Ср. *Lex latina tabulae Bantinae*, 12–13 = C. G. Bruns (ed.). *Fontes iuris Romani antiqui I: Leges et negotia*, septimum edidit O. Gradenwitz (Tübingen 1909) (далее Bruns) n. 9, p. 54; D. XXVI, 7, 7, 10.

вольницу (*ibid.* 112 sqq.). В тексте Плавта отсутствует специальное определение договора между Псевдолом и Калидором глаголом *stipulor*, но нет сомнений в том, что Плавт и здесь изобразил настоящую стипуляцию. Будет нелишним заметить, что и в первой из разобранных нами сцен никто из героев не произносит глагол *stipulor* в той или иной форме и представленный в этой сцене договор определяется таковым глаголом лишь в позднейшем диалоге между Симоном и Баллионом¹⁸.

Есть верные признаки того, что договор между Псевдолом и Калидором в начальной части комедии был заключен именно в форме стипуляции. Прежде всего отметим, что Псевдол применил точно такую же формулу, выражавшую призыв взять с него соответствующее обязательство, какую позднее применил Баллион в стипуляции с Симоном: *roga me viginti minas, ut... scias*¹⁹. Здесь употреблен все тот же глагол *rogo* в форме повелительного наклонения, важное значение которого мы попытались раскрыть выше, и такое же придаточное предложение цели с глаголом *scio*, который, если исходить из его конкретной формы в предложении, можно перевести словами: “дабы ты ведал”.

Хотя и воздерживаясь от далеко идущих выводов за отсутствием более подробных свидетельств, осмелимся вновь поставить рассматриваемые здесь термины стипуляции в связь с терминами правотворчества в рамках народного собрания. Как уже было отмечено, внесение законодательного предложения в народное собрание обозначалось глаголом *rogo*; когда же таковое предложение бывало принято к сведению народным собранием и одобрено, оно получало обозначение *plebis scitum*, вторая часть которого представляла собой субстантивированное причастие, образованное от названного глагола *scio*. Можно говорить, таким образом, о значительном сходстве между терминами, которыми у Плавта определялось установление новых правоотношений путем стипуляции, и терминами, которыми определялся порядок принятия новых правовых норм в народном собрании, а это заставляет лишний раз предположить, что публичный характер стипуляции был отчетливо выражен в ее ранних формах.

В дополнение к приведенным уже доводам в пользу оценки договора между Псевдолом и Калидором как случая стипуляции

¹⁸ Ср. *Pseud.* 1069: *Hodie quas (i. e. minae) aps te<d> est stipulatus Pseudolus.*

¹⁹ *Pseud.* 114–115: *Roga me viginti minas, / Ut me effecturum tibi quod promisi scias.* Ср. выше, прим. 11.

укажем на то обстоятельство, что помимо рассмотренной здесь общей формулы в дошедшей до нас редакции сцены стипуляции между Симоном и Баллионом дословно повторена целая фраза из указанной части диалога Псевдола с Калидором²⁰. О. Цвирлейн довольно убедительно доказал, что фраза была заимствована из этого диалога при позднейшей переделке сцены между Симоном и Баллионом. Более того, по мнению этого исследователя, вся усматриваемая им переделка названной сцены была предпринята под влиянием выразительной словесной игры между Псевдолом и Калидором²¹. Переделка была осуществлена еще в античности, и автор новой редакции, несомненно, хорошо понимал принадлежность двух договоров к одному и тому же классу. Вероятнее всего, сцена стипуляции между Симоном и Баллионом была изменена ради усиления комического эффекта. В новой редакции Баллион, торжествующий мнимую победу над своим врагом Псевдолом, прямо передразнивал Псевдола, принявшего на себя более чем рискованное обязательство. Переделка, очевидно, была признана удачной и потому закрепилась в рукописной традиции.

Намечая общий подход к рассмотрению темы стипуляции, мы выдвинули положение, что стипуляция в нормальном случае применялась в отношении тех обязательств, которые вступали в действие не непосредственно при ее совершении, но в зависимости от возможного нарушения прав другой стороны. Рассматриваемый эпизод из начальной части комедии Плавта представляет в этом отношении весьма показательный пример. Движимый желанием помочь Калидору, Псевдол прежде всего спросил его, достаточно ли для его удовлетворения, если Псевдол либо сделает так, что возлюбленная окажется в его руках, либо даст Калидору 20 мин, которые были нужны для выкупа невольницы²². Иными словами, Псевдол выразил готовность принять обязательства относительно избавления флейтистки тем или иным способом от продажи в чужие руки, и каждое из этих обязательств, различавшихся лишь по способу достижения цели, могло играть роль прямого, подлежащего исполнению немедленно вслед за заключением договора. Таков и был действительный смысл договора, предложенного Псевдолом. Но придавая ему

²⁰ *Ibid.* 116 et 1073: *Roga, opsecro hercle: gestio promittere.*

²¹ См. выше, прим. 12.

²² *Pseud.* 112–113: *satim est si hanc hodie mulierem efficio tibi / Tua ut sit aut si tibi do viginti minas?*

форму стипуляции, Псевдол решительным образом изменил исходное отношение двух обязательств.

В упомянутой формуле с глаголом *gogo* в форме повелительного наклонения он представил как предмет возможного требования Калидора лишь выплату двадцати мин, указав в то же время, что обязательство этой выплаты должно послужить гарантией исполнения обещания доставить возлюбленную в руки Калидора (*Pseud.* 114–115)²³. Иначе говоря, в качестве настоящего предмета стипуляции Псевдол представил денежную компенсацию, предусмотренную на случай, если не будет исполнено некоторое исходное требование другой стороны. Договоренность, достигавшаяся в рамках стипуляции, должна была состоять, по нашим выкладкам, преимущественно в совместном определении размеров возможной компенсации. Поэтому не удивительно, что, откликаясь на призыв Псевдола, Калидор задал ему вопрос, где была упомянута лишь выплата денежной суммы в двадцать мин и указан срок этой выплаты: *Dabisne argenti mi hodie viginti minas?* (*ibid.* 117) Ответ Псевдола, выражавший его согласие с требованием Калидора, не заключал в себе тоже никакого иного обязательства, кроме обещания названной денежной выплаты.

Тем не менее, как это следует из предыдущей реплики Псевдола и из дальнейших его действий, первой задачей Псевдола, определенной, так сказать, общим договором, оставалось само высвобождение флейтистки и передача ее в руки Калидора, обещание же денежной выплаты по-прежнему затрагивало лишь компенсацию, предусматриваемую на случай, если основное обещание не будет выполнено. Возможно, Калидор и Псевдол не включили упоминание условия денежной выплаты в заключительные формулы стипуляции главным образом из стремления к краткости. Под влиянием такого же стремления, по-видимому, действовали и Баллион с Симоном, когда исключили из заключительных формул стипуляции упоминание исходного обещания Баллиона, содержавшегося в формуле с глаголом *gogo*, сохранить в целости имущество Симона и оставили одно обещание денежной выплаты, которое собственно должно было только гарантировать надежность исходного обещания (ср. *ibid.* 1070, 1074, 1077–1078). Очевидно, сам акт стипуляции указывал на то, что предметом обязательства, принимаемого посредством стипуляции, была компенсация, предусматриваемая на случай, если

²³ См. выше, прим. 19.

заинтересованному лицу будет нанесен ущерб тем или иным образом.

Свидетельства о древнейших формах стипуляции, содержащиеся в комедии “Псевдол”, не дают, как мы видим, никаких оснований считать, что стипуляция могла применяться в эпоху Плавта для установления прямых обязательств, вступающих в действие немедленно после совершения стипуляции. Более того, они приводят нас к предположению, что и формулы стипуляции, приведенные в “Институциях” Гая и в сборнике сентенций, приписываемых Павлу, представляли содержание договоров, скрепленных стипуляцией, в сокращенном виде²⁴. Между тем историки права неизменно принимают последние в качестве примеров установления прямых обязательств.

Разбираемый нами пример из начальной части комедии “Псевдол” позволяет не только полнее представить структуру отношений, подпадавших под действие стипуляции, но и рассмотреть, как они могли сочетаться с теми отношениями, где имело место действительное правонарушение и где стороны разрешали свой спор путем мировой сделки, именованной *pacum*. Тем самым мы получаем возможность лишней раз уяснить себе, в чем состояло сходство и различие двух важнейших типов договоров, какими были стипуляция и *pacum*.

Можно было бы воспринять как простое иронизирование над жалким в своем отчаянии любовником упомянутый вопрос Псевдола к Калидору, достаточно ли для его удовлетворения, если Псевдол либо сделает так, что возлюбленная окажется в его руках, либо даст Калидору 20 мин, которые, как мы помним, были нужны для выкупа невольницы. Предложения Псевдола, очевидно, составляли предел желаний Калидора, и их наигранная скромность была не лишена иронии. И все же такого рода иронизирование было бы слишком натянутым, недостойным тонкого искусства Плавта, если бы реплика Псевдола не выполняла одновременно другую, еще более важную задачу в развитии сценического действия. Без сомнения, вопрос Псевдола был построен наподобие формулы, которая произносилась при мировых сделках и вообще при соглашениях в спорах о компенсации за нанесенный или возможный ущерб. Своим вопросом, произносившимся, очевидно, с повышенной интонацией в расчете на свидетелей, Псевдол создавал впечатление того, что он не просто готов был пойти навстречу желаниям молодого хозяина в ответ

²⁴ См. выше, прим. 6.

на его мольбу о помощи, но решил удовлетворить законные требования Калидора, как если бы Псевдол причинил ему какой-либо ущерб или нес в себе угрозу его благополучию.

В вопросе, с которым он обратился к Калидору, Псевдол употребил наречие *satis* в сочетании с вопросительной частицей *ne: satine* (буквально: “достаточно ли?”, *Pseud.* 112). В сфере правовой лексики это наречие получило значение технического термина, указывавшего на компенсацию или залог. Слушая речь Псевдола, римский зритель не мог не вспомнить об этом специальном значении наречия *satis*. Между тем и в качестве юридического термина наречие *satis* могло обозначать весьма различные вещи. Чтобы правильно оценить реплики героев Плавта в рассматриваемом месте, необходимо учесть основные виды употребления названного наречия в юридической сфере.

Прежде всего наречие *satis* применялось для обозначения прямой компенсации за ущерб, где не было речи о залоге. Примером такого его применения может служить известное выражение *satis facere*. Вместе с тем наречие *satis* могло указывать и на залог, которым заменялась немедленная выплата или долг. Об этом свидетельствует пример из агрономического труда Катона (234–149 до н. э.), где употреблено выражение *satis dare* (*De agr. cult.* 146, 5. 7). Это выражение позднее будет применяться главным образом в отношении стипуляции и станет обозначать исключительно выставление поручителей. Но у Катона, насколько можем судить, оно обозначало дачу имущественного залога.

В ранних юридических текстах наречие *satis* служит обозначению имущественного залога, который мог быть использован как компенсация в случае, если должностное лицо или откупщик допускали злоупотребления в деле распоряжения общественным имуществом. Характерны выражения, обозначающие заклад усадьбы и вообще земельного владения: ...*praediaque ad III vir(os) det quod satis sit; unde pignus eius quot satis capi possit; praedia satis subsignare*²⁵. Должностное лицо и откупщик давали залог, поскольку им нечто вверялось и они могли по той или иной причине нанести ущерб общественному достоянию. Залог не был здесь заменой ни реального долга, ни немедленного возмещения ущерба, но обеспечивал лишь выплату возможной компенсации. Впрочем, в других случаях такой же формулой –

²⁵ *Lex Tarentina*, l. 9–10 = Bruns, n. 27, p. 121; *Lex Ursonensis* (44 a. Chr.), 91 = Bruns, n. 28, p. 130; *Lex parieti faciendo Puteolana* (105 a. Chr.), I, 7; III, 14–15 = Bruns, n. 170, p. 374–376.

satis subsignare – обозначался залог, давая который, откупщик отсрочивал для себя положенную денежную выплату²⁶.

В первый момент Псевдол взял на себя, несомненно, роль правонарушителя, готового удовлетворить потерпевшего. Наречие *satis*, иными словами, создавало видимость указания на прямую компенсацию за понесенный ущерб. Трудно представить, как в качестве компенсации за возможный лишь ущерб герой Плавта мог бы предложить увести флейтистку от сводника и передать ее возлюбленному. Это предложение никак не согласуется и с мыслью о залоге, столь естественной при установлении компенсации за возможный ущерб. Предложение выплатить двадцать мин, очевидно, тоже было представлено как еще один путь удовлетворения потерпевшего. Когда Калидор невольно подхватил игру, начатую Псевдолом, и выражая согласие с его предложениями, в своем ответе повторил наречие *satis*, перед Псевдолом открывался путь к заключению договора в форме мировой сделки, именовавшейся *pactum*.

Однако Псевдол вызвал в воображении зрителей картину спора и начавшегося примирения только затем, чтобы незаметно на ее основе возвести видимость несколько иных, более правдоподобных отношений и тем вернее завершить сцену договором по всей форме, но уже в виде стипуляции. В своем призыве к Калидору заключить с ним договор в установленном порядке он представил свое обещание увести флейтистку от сводника уже в самой неопределенной форме, *quod promisi* (*Pseud.* 115), так что свидетель лишился повода лишний раз задуматься о том, как собственно такое обязательство возникло. В то же время, как уже было отмечено, он представил теперь обязательство выплаты двадцати мин в качестве обещания компенсации в случае нарушения основного обязательства.

Так Псевдол незаметно подменил ситуацию, в которой одно лицо требовало удовлетворения от другого за понесенный уже ущерб, ситуацией, в которой речь шла о компенсации за возможный ущерб. Версия о компенсации возможного ущерба весьма подходила для персонажа, в имени которого соединены греческое слово ψεῦδος, обозначающее ложь, обман, и латинское слово *dolus*, обозначающее опять-таки обман или хитрость. Сама личность героя должна была вызывать опасения и побуждала требовать от него особых гарантий в любом деле.

²⁶ *Lex agraria* (111 a. Chr.), 73 = Bruns, n. 11, p. 85; cf. 84 = *ibid.*, p. 87.

Несмотря на перемену, которую Псевдол произвел в разыгрываемой им сцене, неизменной осталась картина спора и примирения, когда одно лицо отвечает на требования другого предложением компенсации. Произнося заключительную формулу стипуляции, Псевдол присоединил дополнительную реплику к своему обещанию выплатить условленную сумму: “чтобы ты уж перестал приставать ко мне” (*molestus nunciam ne sis mihi, Pseud.* 118). Можно было бы решить, что Псевдол выразил этой репликой лишь свое же желание освободить себя от выслушивания сетований несчастного влюбленного на свою судьбу и его безумных просьб, продиктованных отчаянием. Такой смысл, несомненно, присутствовал в реплике Псевдола, но она не выполняла бы задачи создания комического эффекта, если бы в ней не был заключен двойной смысл, если бы этой репликой Псевдол лишней раз не напомнил зрителю, как он вызвал видимость спора и требований со стороны Калидора, якобы приведших Псевдола к необходимости обещать ему выплату компенсации²⁷.

Возможно, у Псевдола не было бы нужды нарочито разыгрывать ситуацию спора, чтобы затем представить акт стипуляции совершенным по всем правилам, если бы его действия определялись только желанием ободрить отчаявшегося влюбленного и для того придать надежную форму стипуляции своему обещанию помочь ему. Но реплики Псевдола обнаруживают, как обычно, двойной смысл его намерений и действий. Совершая стипуляцию, он руководствовался, несомненно, и желанием произвести большой шум, сделав достоянием молвы несчастное положение своего юного хозяина, страстно влюбленного в флейтистку. Тем самым он надеялся заставить непреклонного отца юноши, Симона, лучше осознать возможные дурные последствия отчаянного состояния влюбленного и сделать его более уступчивым в отношении желаний сына.

Псевдол, определенно, поставил своей целью запугать Симона. Едва совершив стипуляцию с Калидором, он заявляет, что объявит теперь (*nunc... dico... edico*) в народном собрании (*pube praesenti in contione*) и просто всем друзьям и знакомым, как следует теперь его остерегаться (*ibid.* 125 sq.). Само собой понятно, что серьезное обещание неимущего, но хитроумного человека

27

Будет кстати заметить, что прилагательное *molestus*, которое Псевдол применил в приведенной выше реплике в отношении Калидора, выступает в качестве определения лица, затеявшего спор судебного характера, в одном из эпизодов комедии Плавта “Вакхиды”: *Vacch.* 885.

заполучить и выплатить значительную сумму денег звучало угрозой для окружающих, а Симону, хозяину Псевдола, в любом случае сулило неприятности. Есть все видимые основания полагать, что совершенная стипуляция давала особый повод для словоизлияний Псевдола перед широкой публикой, и главным образом по той причине, что он должен был соответствующим образом засвидетельствовать принятое обязательство.

Если рассмотрение последнего из разобранных нами эпизодов комедии “Псевдол” представило для нас случай сравнить некоторым образом условия, в которых совершалась стипуляция, с ситуацией, в которой возможно было заключение мировой сделки, то сцена договора между героями комедии “Канат”, рыбаком Грипом и сводником Лабраком, позволяет уяснить, чем стипуляция отличалась от клятвенного обещания. Грип надеялся стать единственным обладателем добытых им неожиданно с морского дна сокровищ сводника Лабрака, корабль которого потерпел крушение во время внезапно налетевшей бури. В исходе неудачного спора с заинтересованным свидетелем его находки, Трахалионом, и со своим хозяином, Демонесом, Грип вынужден был расстаться с добычей и ему оставалось ждать, когда его хозяин вернет спасенные ценности их прежнему владельцу, Лабраку, избежавшему гибели при крушении корабля. В этот момент он случайно столкнулся с самим Лабраком, еще ничего не знавшим о спасении своих богатств. Грип пообещал Лабраку открыть, у кого находится выуженный им в море плетеный сундучок с ценностями, если Лабрак вознаградит Грипа в случае обретения своих богатств.

Лабрак предложил для начала весьма умеренное вознаграждение, неприемлемое для Грипа, и затем, наталкиваясь на все новые возражения рыбака, увеличивал предлагаемую им сумму в довольно скромных пределах. Грип протестовал энергично и грубо и в конце концов сам определил окончательную сумму вознаграждения в один талант серебра, оставив на выбор Лабраку согласиться с его требованием или отказаться принять его. Любопытно отметить, что свое требование альтернативного ответа Грип выразил почти такой же формулой (*Proin tu vel aias vel neges*, *Rud.* 1331), какую привел Гай, говоря о судебных исках относительно выплаты долга (*dare oportere*). Формула, приведенная Гаем, выражала требование истца к ответчику признать наличие долга, либо заявить о своем отказе признавать долг: *Id postulo aies an negas (aut neges)* (*Gaius. Inst.* IV, 17).

Лишь когда ответчик отказывался признать долг, стороны передавали свой спор на рассмотрение судьи. Если же ответчик признавал долг, то дело заканчивалось, как мы можем вывести из свидетельства Гая, соглашением сторон, подпадавшим под общее определение *rustum*.

Лабрак ответил утвердительно на вопрос Грива, и его ответ, надо полагать, создавал видимость признания долга. Комедиограф, несомненно, рассчитывал на приветственный отклик своей публики, ставя сводника в положение, напоминающее положение должника, признавшего долг. Но едва ли в духе самого героя Плавта было сознательно рассчитывать на такой эффект своих реплик. Скорее всего, он просто взялся за дело так, как было привычнее для грубоватого и малосведущего рыбака-невольника, умевшего добиваться желаемого лишь самыми прямыми путями. Его представления о формах договоров, можно думать, вообще не шли дальше обычной мировой сделки, отправным моментом которой было признание правонарушителем своей вины или долга. Как бы то ни было, дальнейшие свои усилия Грив направил на то, чтобы придать силу клятвы обязательству Лабрака, выплатить положенное вознаграждение. Грив подвел Лабрака к алтарю Венеры и потребовал, чтобы тот отвечал перед самой Венерой, и выразил это словами: *Venus haec volo adroget te (Rud. 1332)*.

Со времени Адриана Турнеба (1512–1565) приведенная здесь фраза из комедии Плавта в важнейших словарях толкуется, хотя и с оговорками, как единственный пример такого употребления глагола *adrogo*, когда он обозначал действие лица, принимавшего на себя роль представителя того участника договора, в пользу которого совершалась стипуляция²⁸. Это лицо, именовавшееся *adstipulator*, получало право самостоятельно требовать выполнения обязательства²⁹. Во времена Гая (117/138–180/192 н. э.), который оставил нам описание норм, определявших порядок выдвижения такого представителя заинтересованной стороны и способ его действий, речь шла уже, по-видимому, лишь о том, чтобы после смерти главного участника договора, оставалось бы лицо, обладавшее правом требовать выполнения обязательства

²⁸ Ср. A. Turnebus. *Adversariorum libri triginta*, l. 26, c. 2; Th. Bögel. *Adrogantia etc. // Thesaurus linguae latinae* II (Lipsiae 1900–1906) 651, 65–69; *Oxford Latin Dictionary*, ed. by P. G. W. Glare (Oxford 1994) 175, s. v. *arrogo* l.

²⁹ Ср. Gaius. *Inst.* III, 110–114; 117; 215–216; Kaser. *PR* (см. прим. 2) 660.

го представителя стороны, в пользу которой совершалась стипуляция, вообще исчезает из правовых установлений, разрабатываемых законодателями и юристами³⁰. Несомненно, сам Гай наблюдал ее уже в сильно деградировавшем состоянии. Трудно поверить, чтобы тот, кого именовали *adstipulator*, играл с самого начала роль лишь своего рода напарника основного участника договора, как можно заключить из свидетельств Гая.

Если и верно предположение, что глагол *adrogo* указывал в комедии Плавта на действие того, кого называли *adstipulator*, то определенно таковому лицу отводилась роль отнюдь не простого компаньона главного участника договора – рыбака Грипа. Не в характере простоватого, но несомненно богобоязненного Грипа, произносившего рассматриваемую реплику, было ставить богиню Венеру в положение, почти одинаковое с тем, которое занимал он сам. Надо признать кроме того, что нет оснований вообще предполагать, будто Грип пытался придать форму стипуляции своему договору с Лабраком.

Полагая, что в интересующем нас месте герой Плавта желал передать глаголом *adrogo* действие лица, именовавшегося *adstipulator*, составители словарей, по всей видимости, подразумевали определенную смысловую связь между названным приставочным глаголом и простым глаголом *rogo*, которым определялось основное действие одной из договаривающихся сторон при стипуляции. Необходимо, однако, заметить, что глагол *rogo* применялся таким же образом и в отношении того, кто требовал возмещения причиненных убытков при заключении договора, именовавшегося *ractum*³¹. По нашим наблюдениям, в самом начале Грип избрал именно эту форму договора. Хотя она и мало подходила для договора о вознаграждении за услугу, которая должна была быть еще оказана, такая форма, как мы предположили, была более привычна для незатейливого рыбака, договор же в форме стипуляции, направленный, как правило, на возможную компенсацию, должен был представляться ему слишком тонкой вещью.

Главным основанием для указанного истолкования глагола *adrogo* в рассматриваемом месте комедии Плавта послужило, несомненно, то обстоятельство, что один из участников представленного здесь договора, Лабрак, определил свой договор с Грипом как стипуляцию (*instipulatus sis*), хотя и сделал это уже в

³⁰ Ср. Kaser. *PR.* 600.

³¹ Ср. *Vacch.* 865 sqq. 878. 881.

следующей сцене (*Rud.* 1381). Однако все реплики Грипа, которые этот персонаж произнес вслед за фразой с глаголом *adrogo*, определенно свидетельствуют о том, что он желал взять с Лабрака клятвенное обещание, которое по форме и особенно по присущей ему идее возмездия существенно расходилось со стипуляцией. Традиционное клятвенное обещание сопровождалось всегда словами и магическими действиями, которыми приносивший клятву призывал на свою голову гнев богов и прежде всего перун Юпитера³². Так и Грип потребовал от Лабрака, чтобы он призвал Венеру уничтожить все его гражданские права и положить конец самому его земному существованию (*carut atque aetatem*) в том случае, если Лабрак нарушит договор, отказавшись выплатить деньги (*Rud.* 1345–1347).

По всей видимости, Грип применил глагол *adrogo* в его обычном значении требования или просьбы о придании себе прав в отношении какой-либо вещи или личности и имущества какого-либо человека. В отличие от нейтрального по своему содержанию глагола *rogo*, который, по нашим наблюдениям, означал лишь обращение к кому-либо с предложениями самого различного свойства, глагол *adrogo* определенно выражал волю обрести власть над чем-либо или кем-либо, получить нечто во владение (ср. *Aul. Gell.* V, 19, 6). Он мог выражать и волю третьих лиц сделать что-либо чьим-нибудь достоянием, а в некоторых случаях этот глагол означал волю третьих лиц поставить кого-либо начальником над кем-либо³³. Словами *Venus haec volo adroget te* Грип, скорее всего, выразил волю, чтобы, заключая предложенный ему договор, Лабрак отвечал бы самой Венере, а богиня заявила бы права на личность и имущество Лабрака, пусть и поставив их в зависимость от исполнения данного им Грипу обещания. Отвечая на такое требование Венеры, Лабрак должен был бы, говоря иными словами, предать себя карающей власти богини.

При всем своем нечестии Лабрак имел особые причины побаиваться гнева Венеры, так как только что совершил святотатство в ее святилище, насильно оторвав от статуи Венеры своих невольниц, искавших защиты у богини от притеснений бесчестного хозяина-сводника. Менее всего желал он добровольного признания карающей власти Венеры над собой, и потому сделал

³² Ср. P. Boyancé. *Fides et le serment* // *Idem, Études sur la religion romaine* (Paris-Rome 1972) 97 suivv., 100.

³³ Ср. *Livius* VII, 25, 11; *Symm. Relat.* 5, 1.

все, чтобы представить свою клятву в качестве обыкновенной стипуляции.

В формуле клятвы он поспешил отвести Венере роль свидетеля: *testem te testor mihi* (*Rud.* 1338). Когда же Грив потребовал от него, чтобы он призвал Венеру уничтожить себя в случае, если не исполнит своего обещания, то Лабрак ловко уклонился от этого призыва к божеству. Как бы придавая возможной каре еще больший размах, он обратился к богине с мольбой сделать несчастными всех сводников, если он в чем-либо пойдет против договора (*ibid.* 1348–1349). Деля кару Венеры на всех сводников, Лабрак, разумеется, решительно уменьшал удар, который должен был быть нанесен ему лично.

Даже в качестве свидетеля договора Венера представляла для Лабрака опасную силу. Но бесчестный, поднаторевший во всякого рода сутяжничестве Лабрак и здесь придумал для себя лазейку. Желая полностью уйти от исполнения принятого обязательства, он уцепился за то обстоятельство, что действительность стипуляции, признание ее последствий в суде зависели от того, кто собственно диктовал условия договора.

Согласно одному установлению римских преторов и суждениям Ульпиана, по меньшей мере в двух важных видах стипуляции следовало выставлять поручителей непременно в соответствии с решением избранного в посредники доброго мужа: *boni viri arbitrato satisdare*. Речь идет о стипуляции, именовавшейся *stipulatio iudicatum solvi*, которой заранее обеспечивалась выплата присужденного, когда в суде выступал не сам ответчик, а его представитель³⁴, и о стипуляции, именовавшейся *stipulatio damni infecti*, которой владелец построек или сооружений, так или иначе грозивших убытками соседу, обеспечивал возмещение возможного ущерба³⁵.

Помпониий (II в. н. э.), высказывание которого цитирует Ульпиан, указывает, что поручители, выдвигаемые при стипуляции, получали одобрение как годные для своей роли либо от утвержденного с этой целью арбитра (*arbiter ad fideiussores probandos constitutus*), либо от самого заинтересованного лица, которого Помпониий называет “противником” (*adversarius*, D. IV, 4, 7, 3). Судя по последнему примеру, участие в стипуляции арбитра следует рассматривать как несомненный знак того, что стипуляция совершалась в обстановке некоторого спора. Но и

³⁴ Ср. D. XXXIII, 33, 3; XLVI, 7, 5, 3.

³⁵ Ср. D. XLIII, 15, pr. et l. 3.

решение, которое принимало заинтересованное лицо при отсутствии арбитра было, очевидно, того же свойства, что и решение арбитра.³⁶

Выше мы уже рассматривали пример из труда Катона "О земледелии", где речь идет о том, что при сдаче в аренду масличной рощи, хозяин сдаваемого участка получал право сам определять форму и объем залога или иного вида гарантии, которую предоставлял ему арендатор. Выражено это правило примечательным для нас образом: *satisque dato arbitrato domini (De agri cult. 146, 5)*³⁷. Если договор, о котором говорит Катон, и нельзя отнести прямо к примерам стипуляции, то во всяком случае он весьма близок договорам в форме стипуляции и лишней раз показывает, что решение заинтересованной стороны, если судить по употребленному термину, было сходно с решением арбитра.

Из рассмотренных нами примеров явствует, что в нормальном случае условия договора в форме стипуляции диктовали либо арбитр, либо лицо, в пользу которого совершалась стипуляция. В то же время трудно представить, как при стипуляции мог бы диктовать свои условия тот, кто принимал обязательства. Между тем именно такую роль приписал себе герой комедии Плавта сводник Лабрак. Он сообщает об этом зрителям в тайне от Грипа в заключительной части рассматриваемой сцены: *Meus arbitratus, lingua quod iuret mea (Rud. 1355)*³⁸. Этой фразой Лабрак, несомненно, давал понять, что благодаря его уловкам договор получал желаемый для него смысл и отнюдь не тот, который вкладывал в него другой его участник, Грип. Будучи весьма удовлетворен тем, как удалось ему превратить клятвенное обещание в подобие стипуляции, и, очевидно, полагая, что благодаря умению придавать своим обязательствам нужный смысл он способен лишить всякой силы договор с Грипом, Лабрак спокойно объявляет зрителям, что не должен ничего платить Грипу, когда получит обратно сундучок со своими ценностями.

Получив сундучок, Лабрак воспользовался первой пришедшей ему на ум отговоркой, а именно, что клятвы даются ради сохранения имущества, а не для того, чтобы его терять, и таким грубым образом отказался выполнить клятвенное обещание,

---

³⁶ Ср. выше, прим. 16.

³⁷ Ср. выше, с. 13.

³⁸ Ср. употребление слова *arbitratus* как обозначения решения третейского судьи в той же пьесе, ст. 1035.

данное Грипу. Когда же присутствовавший при споре старик Демонес, который по доброте своей и вернул Лабраку его сундук, спросил, на каком собственно основании Грип требует выплатить себе талант серебра, и услышал в ответ, что дело заключалось в клятве Лабрака, то Лабрак заявил, что клясться можно в чем угодно: *lubet iurare (ibid. 1377)*. Очевидно, уже во времена Плавта указание на клятву не имело особого веса при серьезном разборе споров о обязательствах, касавшихся выплаты денежных сумм. Демонес, однако, продолжил свой распрос, и Лабрак, полагаясь на свою многоопытность в ведении судебных споров, сам предложил отдать на рассмотрение судьи спор о действительной силе заключенного им с Грипом договора, представив теперь этот договор в качестве стипуляции. Именно здесь в отношении действий Грипа, взявшего обязательство с Лабрака, и было впервые применено специальное обозначение стипуляции: *instipulatus sis (ibid. 1381)*.

Оценивая свой договор с Грипом как стипуляцию, Лабрак одновременно предлагал на рассмотрение судьи вопросы, при положительном ответе на которые стипуляция могла быть признана незаконной, а именно, не ввел ли Грип его в обман, заключая договор, и не был ли Лабрак моложе двадцати пяти лет? Изворотливые люди, несомненно, широко пользовались такими возражениями против исков по обязательствам, принятым посредством стипуляции, и Лабрак чувствовал себя достаточно сильным во всякого рода хитросплетениях, чтобы надеяться на победу в судебном споре. Однако ему не пришлось пустить в дело дальнейшие свои уловки. Уже прежде признав, что он давал под клятвой обещание выплатить Грипу талант серебра, Лабрак не считал уместным и вообще необходимым отрицать сам факт этого обещания. Но, едва получив от Лабрака признание в данном им обещании, избранный в третейские судьи Демонес объявил, что он хозяин Грипа и обещанное Грипу должно принадлежать самому Демонесу. Иными словами, он дал понять мошеннику, чью сторону будет держать. Кроме того, он прямо заявил, что своднику в споре доверия не будет. И Лабрак сдался.

Подобно договорам в форме стипуляции, представленным в комедии "Псевдол", договор между Грипом и Лабраком, которому последний пожелал придать вид стипуляции, изображен как соглашение, достигнутое сторонами в некотором споре. Как и в рассмотренных выше примерах, этим договором стороны устанавливали не прямое обязательство денежной выплаты, а обусловленное некоторым обстоятельством, в момент договора

еще не вступившим в силу, а именно тем, сумеет ли прежде Грип выполнить обещание, данное им Лабраку, чтобы иметь основание требовать положенного вознаграждения. В то же время в отличие от затронутых нами прежде эпизодов, сцена договора между Грипом и Лабраком лишена каких-либо черт публичного действия. Следует, однако, помнить, что Грип желал придать обязательству Лабрака форму клятвенного обещания, при котором не требовалось присутствия свидетелей из смертных. При всем его сходстве со стипуляцией в договоре Грипа с Лабраком не было речи о настоящей стипуляции, и с помощью своих ухищрений Лабрак сумел создать лишь ее видимость.

Не лишено значения то обстоятельство, что во всех рассмотренных нами сценах отсутствует указание на акт *sponsio*. Никто из героев, дающих от себя обещание в форме стипуляции, не произносит глагола *spondeo*. Явный контраст в этом отношении с репликами героев, совершающих стипуляцию, составляют у Плавта реплики персонажей, совершающих помолвку. Судя по содержащимся в комедиях Плавта примерам, глагол *spondeo* составлял непререкаемую принадлежность формул, произносившихся при помолвке³⁹. Акт *sponsio* играл, несомненно, конституирующую роль в помолвке, о чем говорит само ее латинское обозначение – *sponsalia*. При стипуляции дело обстояло, очевидно, иначе – акт *sponsio* не считался основополагающим для этого вида договоров.

Едва ли противоречит этому общему выводу то обстоятельство, что в одном из тех мест комедии “Шкатулка”, которые дошли до нас в виде кратких фрагментов, действие лица, принимающего обязательство в форме стипуляции, передано глаголом *respondere* (Cist. 374–376). Нет сомнений в том, что ко времени Плавта исходное значение этого приставочного глагола было уже стерто и он применялся для обозначения ответа на вопросы самого разного свойства, как это мы наблюдаем и в последующем. Между тем приставка *ge-* определенно указывала на то, что когда-то названный глагол обозначал некий повторный акт *sponsio*.

Есть основания полагать, что в древнейший период типичны были договоры, где та и другая сторона совершали акт *sponsio* взаимно, как это можно наблюдать в характерных для времени Цицерона договоренностях, которыми предварялось обращение к судье как арбитру, а равно и в римском пари. Судя

³⁹ Ср. Aul. 256; Cur. 674–675; Poen. 1557; Trin. 573, 1157–1158, 1162–1163.

по названным договоренностям, заинтересованная сторона – например, потерпевший, устроивший преследование правонарушителя – совершала акт *sponsio* первой, а лицо, принимавшее важное обязательство в ответ на заявления инициатора договора – например, правонарушитель, согласившийся удовлетворить потерпевшего, – совершало этот акт во вторую очередь⁴⁰. Нет никакой нужды связывать со стипуляцией то обстоятельство, что вошедший в широкое употребление глагол *respondere* стали с некоторых пор применять самостоятельно для обозначения положительных заявлений ответчика в суде вне зависимости от того, предварялись они актом *sponsio* противоположной стороны или нет⁴¹, а вместе с тем и для обозначения вообще всякого ответа на любой вопрос.

В одном только случае герой Плавта прямо указывает, что он принял свое обязательство выплатить определенную сумму денег путем акта *sponsio* (*Trin.* 427 а). Но герой Плавта, молодой повеса и добряк Лесбоник, выступал не в качестве основного должника, а в качестве поручителя. Некоторые видные авторы уже отмечали сугубую связь акта *sponsio* в стипуляции с институтом поручительства⁴². Одни из них лишь указывали на то обстоятельство, что существительное *sponsor*, произведенное от глагола *spondeo*, обозначало исключительно или почти исключительно поручителя. Другие же, как, например, Л. Миттайс и последовавшие за ним В. Аранджо-Руиц и Р. Феенстра, развили это наблюдение и пришли к мысли, что акт *sponsio* и стипуляция в целом служили некогда формой обязательства одного лишь по-

⁴⁰ Ср. выражения *sponsione lacessere* (Cic. *In Verr.* II,3,57,132; *In Pis.* 23, 55; cf. *Liv.* XL, 46, 14), *sponsione provocare* (Val. Max. II, 8, 2) и *sponsione se defendere* (*Lex Rubria XXI*, 6–7. 11–12. 16–17 = Bruns, n. 16, p. 99). Автор настоящей статьи предполагает посвятить особое исследование теме обоюдного акта *sponsio* в судебном состязании.

⁴¹ Ср. *Lex Rubria XXI*, 7–8. 11. 17; cf. XXII, 41. 44. 49 = Bruns, n. 16, p. 99–100.

⁴² Cp. L. Mitteis. Über die Herkunft der Stipulation // *Aus Römischem und bürgerlichem Recht, Festgabe für E. I. Bekker* (Weimar 1907) 117 ff.; idem, *Römisches Privatrecht bis auf die Zeit Diokletians* (Leipzig 1908) 267 ff.; M. Kaser. *Das altrömische ius* (Göttingen 1949) 265; Arangio-Ruiz. *Instituzioni* (см. выше, прим. 2), 325; I. Triantaphyllopoulos. Sponsor // *Revue internationale des droits de l'Antiquité*, 3e sér., 2 (1961) 373–390; R. Feenstra. Die Bürgschaft im römischen Recht und ihr Einfluß auf die mittelalterliche und spätere Rechtslehre // *Les sûretés personnelles* (Recueils de la Société Jean Bodin XXVIII, Bruxelles 1974) 303–304; 307–310.

ручителя и только со временем стали применяться в качестве формы обязательства основного должника. В условиях, когда акт *sponsio* не считался, как следует из свидетельств Плавта, необходимым элементом стипуляции, совершавшейся без участия поручителя, упоминание этого акта в связи с поручительством Лесбоника можно расценить как знак того, что во времена Плавта главное назначение акта *sponsio* в рамках стипуляции заключалось в установлении поручительства. Вместе с тем нет настоящих оснований полагать, что когда-либо поручитель совершал акт *sponsio* без участия лица, в пользу которого он выступал⁴³.

В репликах героев Плавта относительно договора, в котором участвовал Лесбоник, отсутствуют специальные обозначения стипуляции. Однако есть достаточные причины считать обязательство Лесбоника примером именно стипуляции. Молодой человек, за которого поручился Лесбоник под залог собственного имущества, взял деньги в долг у менялы, пообещав, несомненно, вернуть его с процентами. По наблюдениям Макса Казера, в ранний период только с помощью стипуляции можно было установить обязательство выплаты процентов⁴⁴.

В качестве поручителя Лесбоник разделил с основным должником без сомнения отнюдь не простую ответственность за выплату процентов. Согласно принятому в историко-правовой науке взгляду, поручитель нес наряду с основным должником прямую ответственность за выплату долга, как и процентов по нему. Мы же решаемся настаивать на том, что и в применении к долговому обязательству стипуляция равно основного должника и поручителя порождает не прямое обязательство выплаты долга, но гарантию его выполнения. Об этом, в частности, говорит наблюдаемое в договорах этого типа строгое употребление глагола *dare* в форме страдательного залога *dari*, когда он выступает в сочетании с глаголами *spondeo* или *stipulor* (ср. D. XII, 1, 37. 40. 41. 42, 1).

Гарантия заключалась в обязательстве выплаты соответствующей компенсации в случае, если должник окажется не в состоянии выполнить свои прямые обязательства. Лишним под-

⁴³ Теме поручительства в рамках стипуляции автор предполагает посвятить отдельную работу.

⁴⁴ Ср. М. Касер. *Mutuuum und stipulatio // Eranion in honorem Georgii S. Maridacis* (Athenis 1963) 171 et 180; idem, *RP* (см. прим. 2), 531–532.

тверждением такого назначения стипуляции может служить то обстоятельство, что кредитор имел правовые основания требовать возвращения данной им займы суммы и вне связи с актом стипуляции⁴⁵. Стипуляция получила широкое применение в качестве средства, обеспечивавшего выполнение долгового обязательства, по той причине, что, гарантируя возврат основного долга, она позволяла в то же время вводить дополнительные обязательства, действие которых было обусловлено возможной, но еще не сложившейся ситуацией. Так обстояло дело, например, с обязательством штрафных платежей (ср. D. XII, 1, 40). Можно думать, что установление порядка выплаты процентов не отличалось сколько-нибудь существенно от установления условий и размеров штрафного платежа.

В истории Лесбоника мы находим свидетельство того, что обязанность прямой выплаты долга лежала на основном должнике, причем он сам в определенной мере гарантировал выплату долга условным залогом своего имущества в акте стипуляции, поручитель же посредством стипуляции давал дополнительные гарантии выплаты долга. Так можно понять слова раба Лесбоника, Стасима, о том, что его хозяин представил должника богатым человеком: *quem tu esse ai<ie>bas divitem* (Trin. 428).

В. И. Мажуга

Санкт-Петербургский филиал Института
российской истории РАН

Les témoignages de Plaute sur la stipulation romaine sont multiples et tout à fait précieux. Plaute présente la stipulation non seulement dans l'état ancien qui n'est pas reflété par d'autres sources, mais aussi sous des aspects rares. Toutefois, les historiens de droit romain ne citent point les scènes de la stipulation contenues dans les comédies de Plaute, et jusqu'ici elles n'ont pas fait l'objet d'une étude spéciale. La raison principale de cette négligence semble être le cadre rigide des conceptions établies où à peine peuvent rentrer les indications peu communes de Plaute sur la pratique de la stipulation. L'autre cause du peu d'attention prêtée aux témoignages de Plaute est le caractère fugitif de certaines énonciations des héros de Plaute. Maints détails importants ne sont indiqués que par une allusion.

⁴⁵ Ср. Kaser. *Mutuum*, 168 ff.; E. Pólay. *The Contracts in the Triptychs Found in Transylvania and Their Hellenistic Features* (Studia historica Academiae scientiarum Hungaricae 133, Budapest 1980) 9–10.

L'auteur de l'article essaie de recueillir chez Plaute les moindres indications sur la pratique de la stipulation, tout en développant sa propre vue de l'histoire de stipulation. Le plus riche matériel est tiré de la comédie *Pseudolus*. Trois scènes de cette comédie sont examinées, à savoir celles des accords entre Pseudolus et Calidorus (112 sq.), entre Simon et Pseudolus (526 sq.) et entre Ballion et Simon (1068 sq.). L'analyse des trois scènes fait constater que partout la stipulation sert à établir l'obligation d'un paiement compensatoire éventuel et non pas l'obligation d'un paiement immédiat. Dans les cas considérés, l'entrée en vigueur de l'engagement pris par voie de la stipulation a été conditionnée par le non-tenir d'un engagement principal pris dans l'accord général. Il est bien significatif que cet engagement principal n'entre point dans les formules définitives de la stipulation (114–118 et 1070, 1074, 1076–1077). On devrait tenir compte de ce fait, en appréciant les formules de la stipulation habituellement citées par les historiens de droit.

Contrairement à l'opinion largement répandue, l'auteur affirme que dans la scène de la comédie *Rudens*, où le pêcheur Gripus et le *leno* Labrax font un accord (1322), il s'agissait pour l'initiateur de l'accord, Gripus, non d'une stipulation, mais d'une promesse jurée, qui a été distinguée par des traits propres à elle. C'est l'autre contractant, Labrax, qui a essayé de substituer la stipulation à la promesse jurée, toutefois il n'a réussi que faire un semblant de la stipulation. Il est bien douteux que le verbe *adroget* employé par Gripus puisse désigner l'action d'un *adstipulator*, comme affirment tous les dictionnaires depuis qu'au XVIe siècle A. Turnèbe a le premier interprété de la sorte le passage en question.

Les personnages des comédies de Plaute présentent toujours la stipulation comme un moyen de régler une dispute. Un différend ou le semblant d'un différend précède le plus souvent la stipulation-même; dans un cas, une allusion est faite à la dispute d'une portée générale (avec un *leno* qui fait perdre l'argent aux honnêtes gens) (*Pseud.* 1074). Dans deux cas, la scène de l'accord s'ouvre par une allusion au dommage réel et à la compensation pour ainsi dire directe. On en peut juger d'après l'emploi de l'adverbe *satis* dans un cas (*Pseud.* 112 et 114) et de la formule *vel aias vel neges* dans l'autre cas (*Rud.* 1331). L'action prend néanmoins sitôt le chemin d'une promesse conventionnelle. La figure de l'arbitre est présente dans une scène (*Pseud.* 537 et *supra*), on peut dire aussi que le *leno* Labrax exploite l'idée de l'arbitrage (*Rud.* 1355).

Toutes les scènes en question de la comédie *Pseudolus* font penser à ce que le caractère publique de la stipulation en tant qu'une sorte de convention a été bien accusé dans ses formes anciennes. Seule la scène de la comédie *Rudens* n'en dit rien, mais il ne s'agit pas là de la stipulation authentique. Excepté un cas particulier, le verbe *spondeo* n'est employé nulle part, ce qui contraste de manière significative avec l'emploi constant de ce verbe dans les scènes de fiançailles. Contrairement à l'opinion courante, l'auteur de l'article pense que la *sponsio* n'a pas été l'acte constitutif de la stipulation. Une seule fois que la *sponsio* est mentionnée, elle est présentée comme l'acte du garant (*Trin.* 427 a).

L'auteur est d'avis que jadis la *sponsio* conjointe du débiteur et du garant remplaçait le gage réel caractéristique de la stipulation primitive, mais au temps de Plaute, elle ne servait plus qu'à agréger le garant à la convention. Dans un fragment de la comédie *Cistellaria* (374–376), la héroïne emploie le verbe *respondere*, en parlant de la stipulation. L'auteur essaie de démontrer que ce verbe a eu une origine indépendante de la stipulation.